

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-187-193
УДК 821.161.1

СЛУЧАЙ КАК СОБЫТИЕ В РОМАНАХ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» И Ф. Ф. ТЮТЧЕВА «НА СКАЛАХ И ДОЛИНАХ ДАГЕСТАНА»

© **Фоат Султанбеков, Альбина Саяпова**

A HAPPENING AS AN EVENT IN LEO TOLSTOY'S NOVELS “ANNA KARENINA” AND FYODOR TYUTCHEV'S “ON THE ROCKS AND VALLEYS OF DAGESTAN”

Foat Sultanbekov, Albina Sayapova

The article conducts a comparative analysis of the two novels, named in the title of the article, in the context of understanding a happening as an event in the lives of the characters. In our approach, we proceed from the idea that both writers in their novels about human fates present things, happening in their characters' living situations, as existential comprehension of an event. Events, comprehended as acts of man, are the essence of his life – that is the main philosophical thought of both novels. We solve the identified problem based on the notion “family”. A textual analysis of the two novels enables us to understand that at the critical moments of our existence, family brings about the need to realize one of several supposed possibilities. These possibilities depend both on deterministic volitional decisions of man, striving for the linear development of his life, and on accidental events, which, being on the “threshold”, may become turning points. At the same time, in their novels, Leo Tolstoy and Fyodor Tyutchev showed that only man himself and his creative power are true reasons for generating events in his real life. This is mostly found in critical bifurcation situations of human life.

Keywords: Leo Tolstoy, Fyodor Tyutchev, “Anna Karenina”, “On the Rocks and Valleys of Dagestan”, comparative analysis.

Сравнительный анализ двух названных романов, вынесенных в название статьи, ведется в контексте осмысления того, что такое случай как событие в жизни героев. В своем подходе к поставленной проблеме мы отталкиваемся от того, что у обоих авторов в их художественных полотнах о человеческих судьбах в целом ряде жизненных ситуаций героев случай представляется как событие в их жизни экзистенциально осмысленное. События, осмысленные как поступки человека, являются сутью его жизни – это главная философская мысль обоих романов. Текстуальный анализ двух произведений в контексте поставленной нами проблемы, решаемой в рамках понятия «семья», дает понимание того, что именно критические моменты существования реальной или возможной семьи приводят к необходимости реализации одной из нескольких предполагаемых возможностей, зависящих как от детерминированного волевого решения человека, стремящегося к линейному развитию жизни, так и от случайных событий, которые, становясь «пороговыми», могут стать поворотными. Вместе с тем Л. Н. Толстой, позже Ф. Ф. Тютчев, своими романами сказали о том, что только сам человек, его творческая сила, является подлинной причиной, порождающей события его реальной жизни. Наиболее остро это обнаруживается в критических бифуркационных ситуациях жизни человека.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Ф. Ф. Тютчев, «Анна Каренина», «На скалах и долинах Дагестана», сравнительный анализ.

Приступая к анализу двух названных произведений в контексте осмысления того, что такое случай как событие в жизни героев, необходимо обосновать выбор второго произведения, вынесенного в название статьи. «На скалах и долинах Дагестана» Ф. Ф. Тютчева имеет целый ряд ре-

зонансных переключек с творчеством Толстого, в частности с его романом «Война и мир», а также повестью «Хаджи-Мурат» (см. об этом: [Саяпова]). Выбор объясняется и тем, что Ф. Ф. Тютчев, как и Л. Н. Толстой, ведет повествование о жизни и судьбах людей определенного историческо-

го времени – времени завоевания Кавказа Россией, описанного Л. Н. Толстым в его «Хаджи-Мурате».

В своем подходе к теме мы отталкиваемся от того, что у того и другого в их огромных художественных полотнах о человеческих судьбах в целом ряде жизненных ситуаций героев случай представляется как событие в их жизни экзистенциально осмысленное.

В современном литературоведении есть работы, в которых говорится о роли случая в поступках героев «Анны Карениной» Толстого. Как наиболее интересную можно назвать монографию О. В. Сливичкой «Об эффекте жизнеподобия „Анны Карениной“» [Сливичкая].

О романе же Тютчева написано пока крайне мало, если не считать работы А. Л. Калиниченко, в которых он пишет о литературном творчестве Тютчева в контексте изучения его биографии, в частности его военной службы (см., например: [Калиниченко]).

Известно, что романский жанр не может существовать без любовных линий в сюжете произведения. По закону жанра в романе Тютчева «На скалах и долинах Дагестана», как и в романе Толстого «Анна Каренина», человеческие судьбы выписываются прежде всего через любовные коллизии в рамках реальных или возможных семейных отношений. Правда, у Тютчева – в рамках отношений в условиях чудовищных военных событий, происходящих на Кавказе. Любовные коллизии в жизни героев, осмысленные как события, происходящие по воле случая судьбы, на наш взгляд, сближают романы Тютчева и Толстого.

Нам представляется интересным рассмотреть явление «случай» в рамках двух произведений, осмысленных как событие в жизни героя, зависящих не только от комплекса обстоятельств, но вольно или невольно творимое им самим.

Философское понятие «событие», как рассуждает философ XX века М. Хайдеггер, близко к однокоренному понятию «бытие», что значит «существование», жизнь человека. Об этом исследователь творчества Хайдеггера В. В. Бибихин пишет так: «<...> центральное слово хайдеггеровской зрелой мысли „событие“ заставляет в русском переводе настойчивее вспомнить о бытии, чем немецкое Ereignis <...>» [Бибихин, с. 13].

Интерпретируя два названных романа, мы исходим из понимания того, что случай в рамках человеческой судьбы является событием случайным, событием, определяемым движением самой жизни, поскольку, как сказал М. Хайдеггер, «бытие оказывается определенным родом

события» [Хайдеггер, с. 404]. И эта неслучайность случайного зависит не только от возможностей, зачастую определяемых тем, что вне человека, но и от самого человека, его желаний-хотений, наконец его воли. Следовательно, говоря о случае как событии в судьбе человека, надо помнить, что понятие «случай» не может быть осмыслено без понятия «человек».

Согласно теории Н. О. Лосского, философа XX века, события как поступки человека являются сутью его жизни. П. П. Гайденко, исследователь творчества Лосского, справедливо подчеркивает, что личность как «центральный онтологический элемент» метафизики Лосского обладает «свободной волей, жизненной силой и творческой потенцией» [Гайденко, с. 369–370]. Следовательно, именно в поступке человека проявляются его жизненные возможности.

Текстуальный анализ двух произведений в контексте поставленной нами проблемы начнем с анализа первой фразы романа Толстого «Анна Каренина», содержащей две сентенции (два изречения), выражающих в лаконичной форме основную философскую мысль Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Первый афоризм («все счастливые семьи похожи друг на друга») дает универсальный код, по которому определяется жизнь счастливых семей. Она, если воспользоваться терминологией И. Пригожина, протекает по «законам равновесия» и как таковая она универсальна, ей свойственна повторяемость («похожи друг на друга»).

Второй афоризм («каждая несчастливая семья несчастлива по-своему») – об основном содержании романа, в частности о семьях, в которых нарушен «равновесный» процесс существования семьи. Семья, в которой нарушено ее естественное течение, становится предметом пристального художественно изучения Толстого, формировавшего его экзистенциальное представление о человеке. В вопросе о семье Толстого интересует нарушение общественной модели универсума. Он выписывает модель существования индивидуума, частную жизнь в условиях данного нарушения. Правоту Толстого в его интересе к индивидууму в условиях разрушения естественных «равновесных» условий жизни можно подтвердить определением И. Пригожина об универсальных закономерностях мироздания: «<...> при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому» (цит. по: [Лотман, с. 322]).

Роман Тютчева «На скалах и долинах Дагестана» как роман о человеческих судьбах време-

ни завоевания Россией Кавказа тоже содержит проблему семьи. Тютчев говорит о семьях несостоявшихся, разрушенных. Коллизии в рамках любовных треугольников, происходящие по причине военных действий на Кавказе, приводят к разрушению естественного течения жизни, следствием чего становится нарушение предсказуемого в жизни героев; традиционное, однозначное предвидение будущего становится невозможным.

Таким образом, если говорить на языке общих универсальных понятий, то оба романа – о человеческих чувствах, взаимоотношениях в рамках общественной модели «семья», по тем или иным причинам переживающих критические бифуркационные моменты, в результате которых нарушаются законы предсказуемого универсального течения жизни. Оба автора говорят о том, что критические моменты существования реальной или возможной семьи приводят к необходимости реализации одной из нескольких предполагаемых возможностей, зависящей как от детерминированного волевого решения человека, стремящегося к линейному развитию жизни, так и от случайных событий, которые, становясь «пороговыми», могут стать поворотными (бифуркационными), в корне меняющими сложившуюся ситуацию.

С самого начала необходимо подчеркнуть, что если у Толстого проблема семьи как философско-бытийное определение частной человеческой жизни представлена в рамках мирной общественной жизни нации последней трети XIX века, то у Тютчева схожая проблема выписывается как судьба несостоявшейся или разрушенной семьи «времени борьбы с Шамилем за владычество на Кавказе» (из подзаголовка романа). Причиной нарушения законов предсказуемого естественного течения жизни становится в первую очередь насильственное нарушение общественной модели универсума в условиях происходящих социально-политических явлений в описываемом регионе.

Нарушение естественных законов существования модели «семья» Тютчевым, как и Толстым, выписывается через модель существования индивидуума, его частную жизнь. (Любопытно, между прочим, заметить, что у Тютчева в отношениях между героями, в их любовных клубках, присутствуют и элементы детективного романа, что повышает читательский интерес).

По классическим законам сюжетного повествования в жанре романа все события с героями обоих романов подчинены закону случая, нарушающего или грозящего нарушить линейное развитие человеческой жизни. О случайных со-

бытиях, противоречащих исконным порядкам человеческого существования, как реальном историческом зерне сюжетного повествования в его генезисе Ю. М. Лотман пишет следующее: «Фиксация однократных и случайных событий, преступлений, бедствий – всего того, что мыслилось как нарушение некоторого исконного порядка, представляла историческое зерно сюжетного повествования. Не случайно элементарная основа художественных повествовательных жанров называется „новелла“, то есть „новость“ <...>» [Лотман, с. 209].

Приведенная цитата из Лотмана позволяет нам утвердиться в мысли, что именно событийный ряд с понятием «случай» составляет основу любого романа (в том числе Толстого и Тютчева) как жанра и его главного смыслового содержания. По закону жанра романного повествования о жизни человека именно случайные события, определяющие отношения между героями и составляющие основу сюжетных линий, приводят или могут привести к нарушению исконных порядков человеческого существования.

Случайные события, в сущности, и определяют то, что называется человеческой жизнью, его судьбой. Они могут стать отправными точками как линейного развития человеческой жизни, так и развития деструктивных начал в жизненном пути человека. Об этом говорит Толстой, когда он представляет семьи, в которых нет нарушения равновесия (например, случайная встреча Левина с Кити, ставшая началом их совместной борьбы за счастливую «равновесную» семью). Он говорит об этом и тогда, когда рассуждает о семьях, в которых нарушен «равновесный» характер течения жизни. Если говорить о последних, то случайные, кумулятивно нанизанные события романа, за которыми поступки героев, ведут к нарушению естественного течения существования семьи, исконного культурно-исторического порядка жизни нации. Такое выстраивание событийного ряда с реальными поступками субъектов повествования, составляющими их жизнь, представляет основу сюжета романа Толстого, определяет его структуру.

У Тютчева же толчком к нарушению «равновесного» характера течения жизни героев становятся случайные события, возникающие прежде всего по причине происходящих военных событий.

Вместе с тем человеческий фактор, как показывают оба автора, является первостепенным в критических бифуркационных точках развития человеческих отношений в рамках случайных событий, становящихся фокусными, взрывающими эмоциональные чувства и переживания.

Одно является несомненным в романе Тютчева – говорим ли мы о том, что такое семья в его романе или о том, что такое судьба человека: в нем нет счастливой семьи, счастливого человека. Его роман о глобальных нарушениях законов естественного течения жизни.

Возьмем несколько значительных фокусных эпизодов из романов Толстого и Тютчева, которые говорят о том, что человек, попадая в «крайние» ситуации и находясь в состоянии «пограничного» поведения и восприятия мира, перестает вести себя в рамках предсказуемого, линейного поведения в жизни. Эти так называемые «крайние» ситуации, как правило, вызываются случайными событиями, играющими роль пускового фактора, создающего флуктуационное пространство (пространство бурления, возбужденного состояния, волнения). Флуктуационное пространство, вызванное случайным событием, создает континуум потенциальных возможностей в выборе человеком дальнейшего жизненного пути. Однако выбор человеком пути, который действительно реализуется, зависит не только от комплекса случайных обстоятельств, но и от самосознания человека, от того, что называется волевым актом, о чем свидетельствует учение Н. О. Лосского о человеке как «онтологическом элементе». По Лосскому, человек (субстанциальный деятель) становится динамическим началом в мироздании, являясь источником силы, проявленной как акт воли [Гайденко, с. 358]. Ученый нашего времени В. Н. Топоров, подчеркивая онтологическую истину о человеке, говорит о проявлении свободы воли и роли человеческой активности как о подготовке человека к максимально сложным и опасным жизненным ситуациям [Топоров, с. 41].

Согласно теории Н. О. Лосского, именно акт воли как творческий акт субъекта определяет характер событий человеческой жизни [Лосский, с. 201].

В обоих романах есть фокусные точки с бифуркационными ситуациями, требующими от героя при решении выбора пути из ряда возможных акта воли, дающей возможность изменить трагическое течение жизни. Однако не всегда поступки героев даже во «взрывных» ситуациях говорят о присутствии акта воли. Взрыв эмоциональных сил, произошедший, казалось бы, в «нужный момент», по причине отсутствия волевого акта со стороны героя не может привести к выбору разумного предсказуемого пути, способного стать поворотным. Вместе с тем отсутствие волевого акта со стороны героя может быть объяснено реальным постижением истинной причины, свидетельствующей о невозможности воз-

врата на путь естественного линейного развития человеческих отношений в сложившихся обстоятельствах жизни. Подобное постижение приводит к кризисным ситуациям с трагическими поступками героев.

В качестве текстуального подтверждения выдвинутых положений возьмем из текста Толстого эпизод с признанием Анны Вронскому о своей беременности, а из текста Тютчева – эпизод освобождения Спиридовым Зины Балкашиной с ребенком из плена.

В обоих эпизодах со случайно возникшими жизненными ситуациями описываются моменты эмоционального напряжения героев, достигшего той высокой точки накала, когда для человека может сдвигаться его картина мира. Однако в сознании героев обоих романов (Вронского и Спиридова) не изменяется стереотип их поведения, отношений, их представлений о мире. Они не перескакивают на «другую орбиту» поведения (Ю. М. Лотман), остаются в рамках собственных правил ими понимаемых «нормальных» условий. Вронскому эти правила позволяли «ни на минуту не колебаться в исполнении того, что должно» [Толстой, с. 303]; Спиридов, герой Тютчева, отношения с Зиной Балкашиной, которую он спас из «татарского» плена, воспринимает как «расплату за гундыню» (свой плен у горцев): он не может смириться с тем, что у Зины ребенок от татарина Саабадуллы.

У обоих героев есть чувство вины, но нет поступка, поскольку поступок определяется единством чувств и мыслей. В героях очевидно отсутствие воли. Так, Толстой, описывая душевное состояние Вронского на встрече с Анной, которая скажет ему о своей беременности, пишет:

«Он понял, что что-то случилось и что свидание это не будет радостное. В присутствии ее он не имел своей воли: не зная причины ее тревоги, он чувствовал уже, что та же тревога невольно сообщалась и ему» [Там же, с. 312].

Сложившаяся ситуация требует от Вронского собственных действий, проявления душевных порывов, которых ждала Анна:

«Она надеялась, что это свидание изменит это положение и спасет ее. Если он при этом известии решительно, страстно, без минуты колебания скажет ей: „Брось все и беги со мной!“ – она бросит сына и уйдет с ним» [Там же, с. 314].

Однако этой решительности со стороны Вронского не было. Причем Толстой говорит не об отсутствии во Вронском воли вообще, а об отсутствии этой воли «в присутствии» Анны, что

нужно понимать как нежелание решаться на какие-то поступки, которые противоречат своду его собственных правил, позволявших *«ни на минуту не колебаться в исполнении того, что должно»* [Там же, с. 303]. В кризисной, бифуркационной ситуации с возможным выбором жизненного пути Вронский поступает так, как «должно», как подсказывает ему его разум, хотя *«боялся – не дурно ли это?»* [Там же]. Разум приводит его к тому, что честолюбие, *«старинная мечта его детства и юности»* [Там же, с. 304], эта страсть, которая *«боролась с его любовью»* [Там же, с. 305], доминирует в его выборе. Окончательным с его стороны действием-поступком было следующее: *«Он побрился, оделся, взял холодную ванну и вышел»* [Там же]. Вронский «вышел» из создавшейся ситуации, как ему представляется, с чистой совестью и ясным сознанием человека, исполнившего то, что должно. Вышел, не совершив поступка, не проявив воли, которая изменила бы создавшуюся ситуацию.

Если говорить о фокусовой сцене с героем Тютчева Спиридовым, спасающим из плена близкого для него человека Зину Балкашину, то в создавшейся бифуркационной ситуации, дающей возможность выбора в отношениях с ней, доминирует, как и во Вронском, голос разума, рациональное поведение, отвечающее его собственным представлениям о женщине, родившей ребенка в плену от «дикаря». Сцена с эмоциональным напряжением героев, Спиридова и Зины, достигшим той высокой флуктуационной точки, когда могла сдвинуться их картина мира, оказывается безрезультативной по причине отсутствия в Спиридове волевого акта, дающего возможность перескочить на «другую орбиту» поведения и взглядов на жизнь. Сцена эта с авторскими комментариями предстает как немой, внутренний диалог героев. О Зине, «инстинктом» разгадавшей чувства Спиридова к ней, автор пишет:

«С инстинктом, присущим женщине, она разгадала его чувства к ней и поняла, что он ее не любит, а только жалеет» [Тютчев, с. 475].

Подобное читаем у Толстого, когда он говорит о чувствах Вронского к Анне: *«<...> ему было жалко ее, и он чувствовал, что не может помочь ей <...>»*. И далее Толстой продолжает: *«<...> и вместе с тем знал, что он виною ее несчастья, что он сделал что-то нехорошее»* [Толстой, с. 315]. Чувство вины перед Зиной характерно и для героя Тютчева:

«Если бы я был Колосовым или вроде его, – размышлял Петр Андреевич, – то, по всей вероятности,

несчастье, постигшее Зинаиду Аркадьевну, еще только сильнее бы разогрело чувство великодушия, и я бы полюбил за ее страдания, а вместе с ней и сына Саабадуллы. Другой на моем месте нашел бы наслаждение и утеху заняться перевоспитанием его натуры <...>» [Тютчев, с. 475].

Героиня Тютчева, как и Анна Толстого, увидев Спиридова, «может быть», надеялась *«услышать другие речи, иные слова»* [Там же]. Однако *«<...> он ничего не мог предложить ей...сердце его пусто <...> Призрак Саабадуллы навсегда заслонил для него, как ширма, образ Зины-девушки»* [Там же]. И вновь напрашиваются аналогии с текстом Толстого. В сцене признания Анны Вронскому о своей беременности есть авторское высказывание о реакции Вронского на событие, случившееся в их жизни:

«При этом известии он с удесятенною силой почувствовал припадок этого странного, находившего на него чувства омерзения к кому-то <...>» [Толстой, с. 195].

Припадок омерзения к сыну Зины, «прижитому ею с дикарем», испытывает и Спиридов.

Комментируя ситуации, в которых герои Толстого и Тютчева проявляют отсутствие воли, есть смысл еще раз обратиться к Лосскому, который, по утверждению Гайдено, считал, что ничто вне «я» человека «не может вторгнуться в сферу его индивидуальности и породить перемену в нем». Всякая перемена в человеческом «я», есть его *«собственное действие, собственное проявление»* [Гайдено, с. 358]. И хотя многие из этих проявлений, по мнению философа, возникают на основе общения с внешним миром, однако события внешнего мира служат только поводом для действий субстанции, а не причиной этих действий [Там же].

Л. Н. Толстой, позже Ф. Ф. Тютчев, своими романами сказали о том, что только сам человек, его творческая сила, является подлинной причиной, порождающей события его реальной жизни. Наиболее остро это обнаруживается в критических бифуркационных ситуациях жизни человека. Рассмотренные два фокусовых эпизода двух романов говорят о том, что состояние эмоционального взрыва, вызванного случайным событием, создавшим потенциальные возможности в выборе человеком дальнейшего жизненного пути, оказывается безрезультативным. Причина – в отсутствии воли во Вронском, равно как и в Спиридове. Воли как акте творческой силы, способной изменить создавшуюся жизненную ситуацию.

Список литературы

Бибихин В. В. Дело Хайдеггера // М. Хайдеггер Время и бытие / Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика. 1993. С. 3–14.

Гайденоко П. П. Иерархический персонализм Н. О. Лосского // Н. О. Лосский Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика. 1995. С. 349–370.

Калиниченко А. Л. Литературное творчество Ф. Ф. Тютчева как отражение жизни и облика пограничной стражи Российской империи конца XIX – начала XX века // Мурановские чтения – 2019: Материалы научной конференции 4–6 декабря 2019 года. Ижевск: Изд-во ООО «Принт». 2020. С. 119–135.

Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика. 1995. 400 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры. 1996. 448 с.

Саяпова А. М. Роман Ф. Ф. Тютчева «На скалах и долинах Дагестана» в свете традиций Л. Н. Толстого // Филология и культура. Philology and culture. 2020. № 3 (61). С. 160–165.

Сливицкая О. В. Об эффекте жизнеподобия «Анны Карениной». СПб.: СПбГУКИ. 2004. 104 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1976. 799 с.

Топоров В. Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука. 1994 С. 38–74.

Тютчев Ф. Ф. На скалах и долинах Дагестана. Роман из времен борьбы с Шамилем за владычество на Кавказе // Собр. соч.: В 3 т. Том второй. СПб.: Росток. 2012. С. 5–628.

Хайдеггер М. Время и бытие // М. Хайдеггер Время и бытие / Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика. 1993. С. 391–406.

Losskii N. O. Chuvstvennaia, intelektual'naia i misticheskaia intuitziia. Pp. 349–370. Moscow, Respublika. (In Russian)

Heidegger, M. (1993) *Vremia i bytie. Stat'i i vystupleniia* [Time and Existence. Articles and Speeches]. Per. s nem. Pp. 391–406. Moscow, Respublika. (In Russian)

Kalinichenko, A. L. (2020). *Literaturnoe tvorchestvo F. F. Tiutcheva kak otrazhenie zhizni i oblika pogrannichnoi strazhi Rossiyskoi imperii kontsa XIX – nachala XX veka* [F. F. Tyutchev's Literary Creative Work as the Reflection of Life and Outlook of Russian Empire's Frontier Guard from the late 19th to the Early 20th Centuries]. Muranovskie chteniia - 2019: Materialy nauchnoi konferentsii 4–6 dekabria 2019 goda. Izhevsk, izd-vo ООО "Print". Pp.119–135. (In Russian)

Losskii, N. O. (1995). *Chuvstvennaia, intelektual'naia i misticheskaia intuitziia*. [Perceptible, Intellectual and Mystic Intuition]. 400 p. Moscow, Respublika. (In Russian)

Lotman, Iu. M. (1996). *Vnutri myslyashih mirov* [Inside the Thinking Worlds]. 448 p. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriia. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Saiapova, A. M. (2020). *Roman F. F. Tyutcheva "Na skalakh i dolinah Dagestana" v svete traditsii L. N. Tolstogo* [Feodor Tyutchev's Novel "On the Rocks and Valleys of Dagestan" in the Light of Leo Tolstoy's Traditions]. Filologiya i kultura. No. 3 (61), pp. 150–156. (In Russian)

Slivitskaia, O. V. (2004). *Ob efekte zhiznepodobiiia "Anny Kareninoi"* [On the True of Life Effect of "Anna Karenina"]. 104 p. St. Petersburg, SPb GUKI. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1976). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. 799 p. Moscow, Khudozh. liter. (In Russian)

Toporov, B. N. (1994). *Sud'ba i sluchai* [Fate and Event]. Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur. Pp. 38–74. Moscow, Nauka. (In Russian)

Tiutchev, F. F. (2012). *Na skalakh i dolinah Dagestana. Roman iz vremen bor'by s Shamilem za vladychestvo ya Kavkaze* [On the Rocks and Valleys of Dagestan. The Novel from the Times of Struggle against Shamil for the Domination in the Caucasus]. Sobr. soch., V 3 t. Tom vtoroi. Pp. 5–628. St. Petersburg, Rostok. (In Russian)

References

Bibihin, V. V. (1993). *Delo Haydeggera* [Heidegger's Affair]. Haydegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniia: Per. s nem. Pp. 3–14. Moscow, Respublika. (In Russian)

Gaidenko, P. P. (1995). *Ierarhicheskii personalism N. O. Losskogo* [N. O. Losskiy's Hierarchical Personnelity].

The article was submitted on 11.04.2021

Поступила в редакцию 11.04.2021

Султанбеков Фоат Фаритович,
кандидат физико-математических наук,
доцент,
свободный исследователь,
Казанский федеральный университет,
420138, Россия, Казань,
Foat.Sultanbekov@gmail.com

Sultanbekov Foat Faritovich,
Ph.D. in Physics and Mathematics,
Associate Professor,
free researcher,
Kazan Federal University,
Kazan, 420138, Russian Federation.
Foat.Sultanbekov@gmail.com

Саяпова Альбина Мазгаровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
albina.sayapova@kpfu.ru

Sayapova Albina Mazgarovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
albina.sayapova@kpfu.ru